

не несли печати обреченности: Пселл, говоря о катастрофе при Манцикерте, предвкушал новые победы, а Никита Хониат и после 1204 г. сочинял полные внешнего оптимизма речи. Для Никифора же Григоры государство уже представлялось трупом, на который набрасываются в обоюдном соперничестве враги — турки и татары.

Если политический крах отчетливо осознавался византийскими писателями, то о культурном упадке речь шла не столь резко. Однако и Кидонис, и Геннадий Схोलарий отмечали определенный декаданс в словесности, интеллектуальной жизни, элементаризацию в образовании, варваризацию культуры. В условиях конфронтации с западом некоторые византийцы признавали культурное превосходство «латиняв» в их время. Для таких, как Феодор Метохит, империя ромеев уже не была избранной, неоспоримым центром ойкумены.

Кризис общественного развития сказался в тех противоречиях, которые вылились в социальные столкновения XIV в. Ряд статей книги посвящен вопросам зилотского движения. Исследования в основном касаются историкокультурных проблем, внося прежде всего ограничительные уточнения. Так, анализ свидетельств о генуэзской колонии в Солуни заставляет пересмотреть заключение о каких-либо связях между общественными движениями в Генуе и Византии. Социальные конфликты, вылившиеся в зилотское движение, — порождение византийской действительности. Реинтерпретация подвергает И. Шевченко и считавшееся антизилотским сочинение Николая Кавасилы, направленное, по И. Шевченко, как показывает текст, издаваемый полностью, против государственной фискальной политики. Невозможность связывать отраженные в произведении события с зилотским движением доказывается и датировкой публикуемого И. Шевченко своего рода черновика этой речи Николая Кавасилы: он составлен в 30-е годы XIV в., т. е. до восстания зилотов в Солуни. Американский византист вообще склонен к скепсису в возможности на основе имеющихся источников «реконструировать» политическую программу зилотов.

Издаваниям текстов в рассматриваемой книге уделено очень большое место. Помимо названного сочинения Николая Кавасилы и его «черновика», помещены издания других памятников XIV в. или текстовые дополнения к существующим изданиям. Это «Диалог между богатыми и бедными» Алексея Макремволита, письма Мануила Мосхопула, фрагмент жития Иоанна Нового Феодора Метохита, преамбула практика, написанная Алиатом,

послание Никифора Григоры (издаваемое по автографу) и др. Все они имеют важное значение для изучения общественно-культурной жизни палеологовской Византии. «Диалог» Алексея Макремволита отражает негативное отношение к династам, однако возможна и интерпретация этого сочинения как своего рода пропаламитской пропаганды для средних и низших слоев. Симпатии автора всецело на стороне бедных. Правда, категория «бедных», судя по тексту памятника, включает в себя довольно широкий круг социальных слоев, распространяясь на крестьян и ремесленников. Неоднозначна и категория «богатых» у Алексея Макремволита.

О кризисе социальных отношений свидетельствует и арест Мануила Мосхопула в 1305/06 г., чему посвящена особая статья (с изданием писем византийского гуманиста). Атмосфера подозрительности в византийской столице, наказания невиновных — таковы черты кризиса общественной жизни, вызванного каталонским натиском. Жертвой этих событий и стал Мануил Мосхопул.

В связи с изучением переписки Николая Кавасилы исследователем ставятся некоторые общие вопросы понимания поздневизантийской литературы. Отмечая эзотерический, даже элитарный характер литературы XIV в., И. Шевченко настаивает на важности актуального значения этих памятников: они не были абстрактными упражнениями в красноречии, но являлись непосредственным откликом на события современности, облеченным в специфическую литературную форму.

Понимание такой особенности средневековых текстов позволяет выявить важные исторические реалии описания Константинополя новгородским путешественником XIV в. Стефаном: так, в частности, василевсом, гробницу которого видел русский пилигрим, должен был быть Иоанн IV Ласкарь.

Другой проблемой, интересной для отечественной истории, является интерпретация титула *ὁ ἐπίτις τραπεζίτης*, отождествлявшегося с русским титулом «стольник». Он упомянут в одном из автографов Григоры (cod. Heidelb. Palat. gr. 129). И. Шевченко показывает, что в данном случае речь идет лишь о византийском чиновнике, а не о некоем русском посланнике.

Наконец, существенным элементом данной книги является воспроизведение фотографий анализируемых многочисленных рукописей, что важно для дальнейших кодикологических наблюдений, изучения почерков.

М. В. Бибиков

Fondation Européenne de la Science. Activité byzantine. Rapports des missions effectuées en 1981. P., 1982; Fondation Européenne de la Science. Activité byzantine. Rapports des missions effectuées en 1982. P., 1983.

Вышли в свет два исключительно важных собрания исследований по исторической географии Византии. Это — своды отчетов руководителей научных экспедиций, организованных «Центром по исторической географии византийского мира» в 1981 и 1982 гг., опубликованные под ред. проф. Э. Арвейлер. С того

момента, когда по инициативе Э. Арвейлер в составе Международной ассоциации византинистов был создан специальный Центр для изучения исторической географии Византийской империи, ее исследование в Европе поднялось на новую ступень. Этот факт нашел выражение прежде всего в беспрецедентном расширении поля деятельности исследователей за счет привлечения частично или полностью неизвестного ранее археологического, топографического, эпиграфического материала, данных микротопонимики, антропонимики, естественнонаучных дисциплин. Все это стало возможным в первую очередь благодаря организации многочисленных экспедиций, направляемых в различные, часто труднодоступные районы бывшей византийской ойкумены.

Уже при первом знакомстве со сборниками отчетов о деятельности экспедиций нельзя не обратить внимание на то, что исследования ведутся в весьма обширном географическом ареале. В 1981 г. «Центр по исторической географии византийского мира» направил 6 экспедиций в Грецию, 2 экспедиции в Сицилию, по одной — в Турцию, Сирию и Албанию. В следующем, 1982 г. экспедиции вновь работали в Греции (5 экспедиций), в Сицилии (3 экспедиции). Значительно активнее, чем за год до этого, изучались византийские памятники на территории

Турции (5 экспедиций) и Сирии (4 экспедиции). Были проведены исследования на территории Югославии и Израйля. Наконец, Центр предоставил возможность болгарской исследовательнице Е. Тодоровой заниматься изыскательской работой в библиотеках и архивах Франции с целью подготовки монографии о торговле, осуществлявшейся через балканские порты в XI—XV вв. Ее поездка во Францию была оформлена как самостоятельная экспедиция.

В целом заметно, что даже на протяжении двух лет расширилась география исследований, проводимых Центром. Сейчас по его заданиям проводятся научные изыскания на большей части территории, прежде принадлежавшей Византийской империи. Можно не сомневаться, что в дальнейшем еще более интенсивным станет изучение исторических памятников в основных регионах Византии, соответствующих нынешней территории Греции, Турции и Южной Италии. Хотелось бы, чтобы в круг деятельности Центра по исторической географии были в будущем включены также и Египет, Северная Африка, Аравия и Иордания, Кипр, Северная и Средняя Италия, прибрежные области Испании. Обратимся, однако, к результатам работы отдельных экспедиций.

Экспедиции на территории Греции

В 1981 г. греческая экспедиция П. Велисару и А. Петронотиса работала в центральной части Пелопоннеса, занимаясь исследованием так называемой хоры Кальтезия (небольшая область по течению р. Ланказа, одного из притоков Эвроты). Все сохранившиеся византийские памятники были изучены П. Велисару и А. Петронотисом с археологической и архитектурной точек зрения. Ученые исследовали образцы найденной керамики и глиптики, собрали сведения по топонимике изучаемой зоны. На этой основе, с привлечением данных письменных источников, греческие специалисты сделали ряд ценных для науки выводов. По их мнению, в VIII—IX вв. хора Кальтезия была заселена славянами. К этому времени относится и основание монастыря, возможно, связанное с деятельностью известного подвижника Никона Метаноита. В средневизантийский период здесь возводятся военные сооружения для защиты области от нападения со стороны Тайгетских гор. Расцвет поселений хоры Кальтезия относится ко времени владычества «франков» и к первым десятилетиям империи Палеологов. В последнее столетие истории империи (при деспотах Мистры) и в послевизантийскую эпоху жизнь на территории хоры Кальтезия постепенно затухает.

Экспедиция Г. Хаджи-Минаглу, на протяжении нескольких лет работающая на полуострове Магна (область Фокиды) в Греции, считает своей главной задачей изучение византийской скульптуры X—XII вв. Отчет руководителя миссии за 1981 г. содержит информацию о своеоб-

разной «разведке», проведенной учеными на территории Фокиды, в ходе которой было обследовано 20 византийских церквей с целью сопоставления сохранившихся в них памятников скульптуры с ранее изученными (прежде всего с находящимися в церкви св. Троицы селения Мербака в Арголиде). В отчете за 1982 г. Г. Хаджи-Минаглу дает описание еще трех церквей (одной на Пелопоннесе, двух в Беотии) и более подробно говорит о церкви св. Иоанна в деревне Пиргос в Фокиде, кратко охарактеризованной уже в предшествующем отчете.

Несомненный интерес представляет работа археологической экспедиции Кс. Вакирциса в районе Порто-Лаго во Фракии. Первоначально задача экспедиции мыслилась как исследование небольшой византийской крепости в устье р. Вистониза. Однако уже раскопки первых трех сезонов (1980—1982 гг.) показали, что здесь исследуется значительно более крупный археологический объект. Колоссальные размеры вскрытого археологами основания сторожевой башни, части крепостной стены и фундамента расположенной рядом с нею церкви, обилие византийской керамики даже на значительном удалении от стен привели Кс. Вакирциса к мнению, что им обнаружены руины целого византийского города. По керамике и монетам его существование можно пока приблизительно датировать XII—XIII вв.

Известный французский византиновед Ж. Лефор ежегодно (с 1977 г.) выезжает в научные командировки в Северную Грецию. В 1980—1982 гг. эти поездки фи-

нансировались Центром по исторической географии. Ж. Лефор поставил себе задачу провести сплошное топографическое обследование бывших владений монастырей Афона для того, чтобы затем, сочетая добытые факты со сведениями письменных источников, исследовать процессы демографического развития и эволюцию аграрного пейзажа в регионе. В 1980—1981 гг. Ж. Лефор проводил исследования в долине р. Стримон, в восточной части полуострова Халкидика и в районе озер между Фессалоникой и Стримонем. Он посетил более 60 некогда византийских поселений и сделал более 500 фотографий средневековых памятников, составил свод микропонимов ряда деревень и их окрестностей. Используя эти данные, французский византист уже в своем отчете высказал несколько заключений о динамике соотношения культивируемых, залежных и лесных земельных массивов в Северной Греции в XI—XV вв., о типах поселений, господствовавших в регионе в разное время (редкие и крупные села в IX в., более мелкие укрепленные поселения — с X в., многочисленные маленькие неукрепленные деревеньки на землях фиска и монастырей — по мере распространения крупной земельной собственности с XI—XII вв.).

Английская византистка П. Карлин-Хайтер выезжала в 1981 г. в командировку на Халкидику со сходной целью — для топографического изучения территорий, описанных в практиках 91 и 109 и периорисмах 90 (1300) и 108 (1324) афонской Лавры. Прежде всего, исследовательнице удалось топонимически идентифицировать ряд упомянутых в источниках поселений. Она изучила также руины заброшенных деревень и отдельных памятников (например, более десятка византийских мельниц). Ею была составлена подробная карта владений Лавры на Халкидике согласно периорисмам 90 и 108, опубликованная в приложении к отчету.

Английский историк Дж. Хэлдон в 1981 г. руководил экспедицией на о-ве Лемнос. Со своими сотрудниками он обследовал территории, описанные в византийских практиках и османских регистрах XIII—XV вв., и идентифицировал до 70% греческих и около 9% турецких понимов, известных по источникам. На основе собранных материалов учеными составлены полные индексы византийских, османских и современных то-

понимов острова и подготовлена его точная карта.

Экспедиция английского археолога А. Дана проводила в 1982 г. исследование в нижнем течении р. Стримон с целью подтверждения гипотезы о перманентных изменениях конфигурации ее дельты и о зависимости от этих изменений расположения в этой зоне человеческих поселений. В числе последних — известные города-эмпории: античный Эйон, византийские Амфиполь и Хрисополь, турецкие Мармара, Маке Хан, Чай Агжи. Комплекс фактов, свидетельствующих о мутациях дельты Стримона, был установлен методами геоморфологического и топографического анализа. Археологические раскопки и разведки позволили уточнить локализацию ряда поселений и выявить несколько неизвестных ранее (в том числе византийских).

В июне—июле 1982 г. археологический отряд английского ученого Т. Грегори работал на берегу Саронической бухты недалеко от Коринфского канала. Исследовалось одно из важнейших византийских военных сооружений — Гексамилон: мощная крепостная стена, пересекавшая Истмийский перешеек и преграждавшая врагу доступ в Пелопоннес. На полуострове Акра София археологи раскопали вблизи Гексамилона большое здание, состоящее из трех параллельных рядов стен с промежутками, разделенными на секции-комнаты, с остатками мозаичных полов. По архитектурным деталям и обнаруженной здесь же керамике комплекс датируется серединой VI в.

На о-ве Лемнос греческий археолог Кс. Пеннас провел в 1982 г. предварительное обследование небольшой крепости Котцинон, упоминаемой в источниках с 1136 г. (использовалась до XVIII в.). В своем отчете он приводит обзор письменных свидетельств о крепости, дает историко-архитектурную характеристику крепостных стен, сохранившихся строений, анализирует керамические находки. Ученый подготовил несколько десятков фотографий, схем и рисунков.

Другой греческий специалист Р. Теодоридес, используя сведения письменных источников, обследовал сельскую местность, прилегающую к Фессалонике с целью выявления мест глиняных выработок, снабжавших в ранневизантийское время город сырьем, необходимым для производства кирпича. Археолог выявил 8 древних поселений, жители которых специализировались на занятии этим промыслом.

Экспедиции на территории других стран Балканского полуострова

Албанские историки Д. Дамо и А. Мекси подготовили сводный каталог византийских архитектурных памятников Албании. В настоящее время в него включены 42 сооружения. Каждое из них датировано и охарактеризовано в архитектурном и искусствоведческом аспектах. Впрочем, авторы подчеркивают, что поисковые работы по выявлению неизвестных византийских раритетов в Ал-

бании находятся в разгаре, и поэтому представляемый перечень уже сейчас не может считаться исчерпывающим.

Датский археолог К. Фледелиус посетил Югославию и представил в качестве отчета очерк о результатах раскопок югославскими специалистами позднеримской виллы Медана в долине Нешавы и знаменитого городища Царицын град. Вслед за сербским историком

В. Петковичем К. Фледелиус отождествляет Царицын град с Justiniana Prima — родиной императора Юстиниана I

(527—565). В целом работа Фледелиуса носит скорее информационный, чем исследовательский характер.

Экспедиции на территории Италии

Экспедиция, во главе которой стоит итальянский археолог Р. М. Карра-Бонаказа, поставила перед собой задачу создать полную и точную археологическую карту всех византийских древностей Западной Сицилии. Дополнением к этой карте должен стать аннотированный индекс византийских памятников Сицилии (их фотоснимки, письменные свидетельства, научный комментарий), который также готовит к печати Р. М. Карра-Бонаказа. В краткий срок итальянские специалисты проделали огромную работу: они провели раскопки в Палермо, давшие интересные образцы византийской керамики — от V—VI до XII—XIII вв. Находки свидетельствуют о непрерывной традиции в развитии быта греческого населения Палермо в средние века. На о-ве Устика экспедиция обнаружила и раскопала византийский некрополь V—VII вв. В местечке Нотарбартоло провинции Палермо ученые нашли несколько каменных резервуаров для воды ранневизантийского времени. Особенно активно исследовали археологи известную базилику Руджеряна в Чефалу. Раскопки как вне храма, так и внутри него дали обильный новый материал. Выявлены напольные мозаики VI—VII вв., изображающие растения и животных, извлечены из земли детали мраморного декора, керамика, свинцовая

печать патрикия Антиоха (видимо, стратига фемы Сицилия, VIII в.) и другие находки.

Другой итальянский специалист В. Джустолизи проводил в 1981 г. археологические разведки в окрестностях Агригента. Ему удалось убедительно идентифицировать упоминаемый в источниках VIII—IX вв. византийский город Кроний с современным городком Кальтабелотта и установить, что известная еще с эллинистической эпохи Триокала располагалась вблизи Кальтабелотты, на горе св. Анны.

В 1982 г. археолог К. Филанджери исследовал в горном районе Красто на южном побережье Сицилии руины византийского строения, от которого сохранились остатки мощных каменных стен. Вероятнее всего, найдены развалины небольшой византийской крепости. К сожалению, К. Филанджери не пытался датировать обнаруженный памятник.

Итальянская искусствоведка М. А. Лима представила обоснованный проект реставрации церкви Санта-Мария делла Гротта в селении Марсала. Для византиноведения имеет значение тот факт, что в этом довольно позднем храме (начало XVIII в.) использовался декор более старой византийской церкви и сохранились ценные фрески XII—XIII вв.

Экспедиции на территории Турции

В 1981—1982 гг. Центр по исторической географии предоставил возможность английскому историку Дж. Гринхальгу, готовящему диссертацию о византийской Писидии, посетить эту бывшую провинцию империи с целью осмотра ее византийских достопримечательностей и работы в музеях. Отчеты об этих поездках опубликованы в рецензируемых сборниках. Австрийский ученый К. Бенке был направлен летом 1982 г. в экспедицию в Галатию. Он изучал ранневизантийские памятники в пределах территорий провинций Галатия I и Галатия II (согласно «Синекедему» Иерокла) и опубликовал в рецензируемом сборнике их краткий каталог. Английский историк Т. Синклер обследовал на востоке Турции область

верхнего течения Евфрата, а его соотечественник М. Вайто путешествовал в долине р. Меандр. Оба они также опубликовали в качестве отчетов каталоги сохранившихся здесь византийских древностей. Еще одна малоазийская экспедиция — миссия Ж.-М. Шпизера — занималась в Турции исследованием керамики византийского Пергама и изучила около 800 ее образцов. Кроме того, со сравнительно-археологической целью ученые ознакомились с музейными коллекциями керамики из Эфеса, Сард и Иерополя во Фригии. В результате удалось уточнить специфические черты гончарного ремесла в Пергаме и место керамики в системе международной торговли в Малой Азии.

Экспедиции на территории стран Ближнего Востока

Археологическая экспедиция Н. Су-рель в 1980—1981 гг. работала в Северной Сирии (р-н Гебель-Барша). Итогом ее деятельности стало описание многочисленных византийских памятников региона, главным образом церквей ранневизантийского времени (IV—VI вв.). Руководительница экспедиции проанализировала полученный материал с точки зрения истории архитектуры. Тщательное исследование архитектурных особенностей христианских баптистериев V—VI вв. в сирийских селениях в районе Антио-

хии провел в 1982 г. другой французский специалист — В. Дюфе. Д. Фейссель осуществил эпиграфическую экспедицию на севере Сирии в районе Алеппо. Ему удалось обнаружить несколько неизвестных прежде надписей ранневизантийского времени, но главное — уточнить написание многих эпиграфических текстов, опубликованных в фундаментальном собрании «Inscriptions grecques et latines de la Syrie». К сожалению, в ходе миссии Д. Фейсселя выяснилось, что некоторые надписи, описанные и издан-

ные в 30—40-е годы XX в., сейчас уже не существуют.

Экспедиция Г. Тата также работала на севере Сирии, где исследовала ряд строений ранневизантийского времени, преимущественно рынки и постоянные дворы IV—VI вв. В результате был собран большой материал для типологических сопоставлений принципов строительства крупных общественных зданий по сравнению с военными и культовыми сооружениями. Экспедиция другого французского археолога Ф. Вилланева исследовала позднеримские и ранневизантийские древности трех деревень в Средней Сирии (район Хаурана). Здесь выявлены остатки языческих и христианских храмов, жилых домов, бань, найдено несколько эпиграфических памятников.

Две миссии Центра работали в 1982 г. в Израиле. Они возглавлялись местными специалистами Л. Левиним и Й. Цафриром. Первая из них поставила задачу подготовить ономастикон географической номенклатуры греко-римской Палестины по еврейским и арамейским источникам. Руководитель проекта сообщает, что в настоящее время полностью подобрана лексика, соответствующая первым пяти буквам еврейского алфавита. Вторая группа ученых во главе с Й. Цафриром работает над составлением аннотированной карты византийских древностей на территории Израиля. Но, судя по отчету руководителя, этот интересный замысел еще далек от реализации.

Таков краткий обзор итогов научных экспедиций, осуществленных Центром по исторической географии в 1981—

1982 гг. Исключительная научная активность специалистов Центра не может не вызывать уважения коллег. Безусловно, положительным является тот факт, что руководство Центра широко трактует понятие «историческая география», и, как мы видели, под его эгидой ведутся исследования самого разнообразного содержания: топографические, топонимические, геоморфологические, картографические, археологические, искусствоведческие, эпиграфические, нумизматические, наконец архивные.

Сборники отчетов научных миссий, организуемых Центром, имеют исключительное значение для оперативного ознакомления ученой общественности с результатами их деятельности. К сожалению, качество воспроизведения многочисленных фотографических иллюстраций, прилагаемых к тексту, настолько низко, что во многих случаях ими совершенно невозможно пользоваться. Хотелось бы, чтобы руководство Центра нашло способ, пусть даже за счет некоторого удорожания издания, публиковать в сборниках отчетов своих миссий более качественные фотографии.

В целом же следует сказать, что рецензируемые сборники дают в руки византистов ценный и свежий исследовательский материал «из первых рук» и адекватно отражают одну из наиболее важных сторон научной деятельности «Центра по исторической географии византийского мира» при Международной ассоциации византистов. Обе книги заслуживают самой высокой оценки.

О. Р. Бородин

Д. Ангелов. Българско средновековие — идеологична мисъл и просвета. София: Народна просвета, 1982. 168 с.

Исследования Д. Ангелова неизменно вызывают большой интерес советских византистов и славистов, получая при этом весьма высокую оценку¹. Несомненно, привлекает внимание и новая его книга, представляющая собою сборник статей, вышедших в свет преимущественно в 60—70-е годы и объединенных темой, которая указана в заглавии работы. Несмотря на то, что изучение отдельных сюжетов проделано автором на различных уровнях — конкретно-историческом, филологическом и даже в какой-то степени философском, включенные в книгу девять статей удачно гармонируют между собой, дополняя друг друга по отдельным вопросам. Представляется целесообразным более подробно осветить содержание этих работ, тем более что сами по себе статьи редко подвергаются рецензированию.

Первая статья Д. Ангелова «Кирилл и Мефодий и византийская культура и политика» (с. 7—29) посвящена формам влияния Византии на культуру славян. Говоря о солунских братьях, автор отмечает, что они были воспитаны в атмосфере взаимодействия церковного и светского направлений развития ви-

зантийской культуры, однако не усвоили присущего ей пренебрежительного отношения к славянскому миру и языку, что позже сказалось в ходе моравской миссии просветителей. По мнению исследователя, политика империи по отношению к славянам была твердо дифференцирована и не может быть подведена под единый знаменатель. Славянство, жившее на территории империи, правительство стремилось полностью подчинить и ассимилировать. Славянскую Великоморавскую державу Византия хотела иметь своим союзником и старалась развивать с ней экономические и политические контакты, конкретным выражением которых стала миссия Кирилла и Мефодия. Политика в отношении Болгарии была не столь благосклонна, как к Великой Моравии, но и не так груба, как в отношении славян в Византии. Исходя из названных различий, автор выделяет три типа политики Византии по отношению к славянству. Конкретные формы влияния империи на развитие славянской культуры зависели от того или иного направления политики.

Далее, рассмотрев борьбу вокруг

¹ Горина Л. В. История Византии и средневековой Болгарии в исследованиях Д. Ангелова. — ВВ, 1979, 40, с. 37—48.